

Богачков Е.В.

Анализ стихотворения-песни Башлачева «Посошок»

Об авторе

Уникальность и глубоко русский характер поэта и автора песен Александра Николаевича Башлачева проявляется в его удивительной работе с русским Словом, в которое он внимательно всматривается, бережно вплетая в свои произведения, одновременно черпая мысли, гармонию своих произведений из самого Русского языка. Отсюда пронизанность его стихов-песен переосмысленными, оживленными под его пером русскими мифологическими сюжетами, пословицами, поговорками, историческими мотивами. Все это под его чутким руководством, сдобренное кровью его мыслей и чувств, обретает новую жизнь и новый, подчас более глубокий, нежели изначальный, смысл.

Данное стихотворение-песня представляет собой что-то вроде поэтического прощания с жизнью. Это своего рода заговор, молитва кудесника слова перед смертью.

*«...- Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Но если хочешь — стихами грехи замолю...»*

Рассмотрим, какие образы, какие поэтические средства использует в этом произведении Башлачев:

*Эх, налей посошок, да зашей мой мешок-
На строку — по стежку, а на слова — по два шва.*

«На посошок!» — известная традиция при отправлении в дальний путь, в данном случае в иной мир. Мешок: с одной стороны у моряков принято было хоронить людей, зашивая их в мешок и бросая в море (а мореходный образ поддерживается в дальнейшем образом ладьи), а с другой стороны, отправляясь в дальний путь человек берет с собой мешок, в котором все необходимое. Для поэта, уходящего из жизни — это его стихи, с которыми он предстанет перед высшими силами. Ср. у Высоцкого, которого Башлачев очень ценил:

*...Мне есть что спеть, представ перед всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.*

Далее:

*И пусть сырая метель мелко вьет канитель
И пеньковую пряжу плетет в кружева.*

Метель у Башлачева – символ лихой российской стихии (см. «Письмо в Европу» — *Сквозняками рвутся сквозь щели синие цепные метели*), которая помогает поэту плести стихи, попутно «заметая» христианские догмы (что мы увидим ниже). Метель здесь нарисована, как природная параллель стихосложения.

*Отпевайте немых! А я уж сам отпоюсь.
А ты меня не щади — срежь ударом копыя.
Но гляди — на груди повело полынью.
Расцарапав края, бьется в ране ладья.*

Здесь надо обратить внимания на восхитительную, колдовскую метонимию: Ладья – лад – Пение. Пение в груди, по воле сердца, в крови:

*И запел алый ключ, закипел, забурлил,
Завертело ладью на веселом ручье.*

Прибавьте к этому созвучность ручья и речи, которую Башлачев конечно учитывал (см. «Пляши в огне» — *...По Руси по руслу речет река...*). Лад в речи да от сердца!

*А я еще посолил, рюмкой водки долил,
Размешал и поплыл в преисподнем белье.*

«Посолил» – возможно, слезами. «Поплыл» — с одной стороны, в переносном значении – пьяный от водки, с другой стороны, в прямом – в продолжение образа ладьи. «В преисподнем белье» — завораживающая смесь – в исподнем белье (в одной нижней рубахе) в преисподнюю (ад). В целом рисуется потрясающе проникновенная, переливающаяся неуловимыми гранями картина ухода в иной мир...

Так плесни посошок, да затяни ремешок

Богу, сыну и духу весло в колесо.

Здесь как раз пример «заметания» христианских догм. Решительность, самоотверженность.

*И пусть сырая метель мягко стелет постель
И земля грязным пухом облепит лицо.*

Еще один дивный образ, связанный со смертью. Обыгрывается выражение «Пусть земля тебе будет пухом!» и смерть как сон («...мягко стелет постель»).

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.

Лес вдоль реки, как столбы вдоль дороги с венками в память о погибших в автокатастрофах. Плюс мифологическая ассоциация реки с границей между жизнью и смертью, через которую перевозит Харон. Плюс чарующе органичная вязь слов.

*Покрути языком — оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки,
И дорогу штыком преградит часовой.
- Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Но если хочешь — стихами грехи замолю,
Но объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что люблю?*

Выстраданная Башлачевым формула отождествления Любви и Боли. Любовь у Башлачева вообще ключевое понятие, очень широкое, всеобъемлющее. Любовь – это сама Жизнь, имманентное ее состояние. А появление жизни (жизненности) возможно только через боль, также как и появление детей из чрева матери.

*Ни узды, ни седла. Всех в расход. Все дотла.
Но кое-как запрягла. И вон — пошла на рысях!
Не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.*

«Одинокая баба всегда на сносях» — Очень тонкая и глубокая ссылка на понятие Родины – матери (см. второе название песни «Хороший мужик», где главная героиня «хорошая баба», — «Песня о Родине»). И в целом четверостишие – видение Башлачевым трагического положения нашей Родины – России.

*И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в «спаси-сохрани».
Ведь святых на Руси — только знай — выноси.
В этом высшая мера. Скоси-схорони.*

Высшая мера наказания – смертная казнь, Высшая мера человека – смерть?
Еще один пример «заметания» и «развеивания» в порыве искренности христианских догм и пресловутостей, требующее в ответ на откровенность прощения (в следующем стихе):

*Так что ты, брат, давай, ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдастся и ты мне знаком...
Часовой всех времен улыбнется: — Смотри! -
И подымет мне веки горячим штыком.*

Намек на известный по Гоголевской притче миф о Вие. Смертное прозрение. Интересно, кто имеется в виду по ЧАСовым всех ВРЕМЕН...

*Так зашивай мой мешок, да наливай посошок!
На строку — по глотку, а на слова — и все два.
И пусть сырая метель все кроит белый шелк,
Мелко вьет канитель да плетет кружева.*

Очень удачное, органичное композиционное завершение с изящным переименованием образного и звукового ряда из начала и середины стихотворения.

Продланное мною рассмотрение, конечно, далеко не является исчерпывающим. Некоторые образы я пропустил, т.к. сам пока не нашел ниточки к их пониманию, некоторые, возможно, плохо или не точно раскрыл. Однако, надеюсь, и то, что я сумел на данный момент будет полезно тем, кто знакомится с творчеством Башлачева, и не вызовет большого протеста у тех, кто уже его ценит и понимает.

Для порядка обмолвлюсь о метрике произведения. Стихотворение написано четырехстопным анапестом (трехсложник с вариациями анакруз), что соответствует балладному описанию своего пути в «мир иной» поэта-пророка и одновременно заговариванию (заклинанию) смерти.

В заключение надо сказать, что завораживающая вязь звуков, а также ощущения, создаваемые «оживлением» и переосмыслением народных мифов и идиом, в полной мере соответствует заклинательному, молитвенному характеру стихотворения. Данное стихотворное произведение являет нам замечательный пример самого, что ни на есть органичного взаимопроникновения и взаимоусиления формы и содержания, а также автора и его родного языка.

Богачков Е.В. Анализ стихотворения-песни Башлачева «Посошок»
// «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.10264,
13.03.2003

[\[Обсуждение на форуме «Наука»\]](#)

© Академия Тринитаризма
info@trinitas.ru

• [Главная](#) | [Структура](#) | [Институты](#) | [Образование](#) | [Обучение](#) | [Форумы](#) •
www.trinitas.ru

Адрес документа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120064.htm>